

**Копия в формате doc/docx (Microsoft Word)
конкурсной работы Международного конкурса сочинений
«Без срока давности» 2024/25 учебного года**

Класс: 10

Тематическое направление: преступления против детства

Жанр сочинения: рассказ

Тема сочинения: Последнее детство

Посвящается всем детям, погибшим в стенах Саласпилского концентрационного лагеря. Мягких вам облачков.

Сейчас я расскажу вам мою историю. Она очень грустная, но вы не печальтесь, ведь теперь я уже нахожусь в светлом и прекрасном месте. А тогда...

Мне тогда пять лет было. Я уже плохо помню. Помню только, мы с моей дорогой мамочкой жили вдвоём. Помню, что было страшное время. Тогда я не знала почему? Не понимала, что такое эта «война», про которую говорили взрослые, и кто такие эти «фашисты», которые должны были до нас добраться? Мне не нужны были никакие «фашисты», и не нужна была никакая «война». Я просто хотела быть со своей дорогой мамочкой, и чтобы

папа вернулся. Его облик уже стёрся из моей памяти, забылось звучание его голоса. Я только знала, что он есть. Где-то там, далеко, «бьёт палачей», как говорила мама. Я надеялась, они не бьют его в ответ слишком сильно.

Пожалуй, тот день остался последним детским воспоминанием в моей жизни. Ещё утром всё было тихо. За окном - весна, с крыш капало, и в воздухе пахло новой жизнью.

Неожиданно всё прекратилось. На улице поднялся какой-то шум. В наш дом вбежала соседская старушка, что-то крича про «этих немцев», которые пришли. Мама вскрикнула, а я расплакалась, так горько, как, наверное, никогда в своей жизни. Меня настиг тот самый необъятный страх. Мама пыталась ещё мне что-то говорить про «прятаться» и «скорее», но я уже ничего не слышала. Я лишь думала, что это конец, что эти немцы придут и заберут у меня всё: и маму, и папу, и дом, и даже тряпичную куклу Машку. Мама схватила меня на руки и потащила в подполье, а я продолжала плакать. Помню, она закрыла мне рот ладонью и сказала: «Тихо! Или мы все умрем!» Ещё одно страшное слово, которого я боялась. Умирать не хотелось. Не сейчас... Я затихла и прижалась к маминой груди, судорожно дыша и жмурясь до звёздочек в глазах. Её нежные руки ласково гладили меня по голове, они сильно дрожали и крепче прижимали к себе. Повисла напряжённая тишина, нарушаемая нашим шумным дыханием. Шло время... Может, прошло полчаса или час, или два... Было неясно.

Вдруг сверху раздался грохот, такой неожиданный, что сердце чуть не остановилось. Мама прижала меня ближе. Кажется, мы обе перестали дышать. Послышались выстрелы, звук бившейся посуды и громкие неясные выкрики. Они звучали по-дьявольски ужасно и грубо. «Они ломают наш дом,- подумала я, и моё детское сердце сжалось от смеси злобы, горя и ужаса,- «они ищут нас...» Я задрожала.

Спустя пару минут разгрома, дверца над нами с грохотом распахнулась. Всё! Дальше было как в тумане: неясно и размыто. Я не помню их лиц. Но

то, что мне не забыть никогда - это их сатанинские глаза, острые, как нож, безжалостно смотрящие в мои, детские, полные слёз и страха.

Они тогда выволокли мамочку на улицу и швырнули её, босую, со мной на руках, на талый снег. Она упала, придавив меня собой. Теперь я слышала, что тихо не было. Вокруг шумели выстрелы, вопили и плакали люди, зловеще кричали на своём языке ненавистные фашисты. И мы с мамой кричали...

Нас погнали к общей толпе, напоминающей кишаций и вопящий ком. Кто-то спотыкался и падал, и в него тут же летели смертоносные пули. Я сжалась у мамы на груди и закрыла глаза, чтобы не видеть этого ужаса, но уши мои были открыты...

А потом началась пытка. Мы всё куда-то шли и шли. Я ничего не видела, так и не нашла храбрости отнять голову от маминого плечика. Моё детское сердце было навсегда разбито. Я слышала, многие рыдали: и взрослые, и дети. Я уже - нет. Я боялась плакать, боялась даже дышать. Мне так сильно хотелось жить вместе с мамой и папой, без «войны» и «фашистов»...

К вечеру, когда уже солнышко садилось, мы остановились. Я устало подняла голову и огляделась. Людей стало меньше. Опустив взгляд, я посмотрела на мамины ножки и испугалась. Они были страшного, синечёрного цвета. Я зажмурилась и обняла маму крепче. «Наверное, мои такие же...» Я чувствовала, как маму шатает. Казалось, мы вот-вот упадем, и нас тоже застрелят. Нельзя падать!..

Всех подвели к железной дороге, на которой стояли уродливые вагоны. Я вздрогнула. Людей стали грубо вталкивать внутрь, словно скот на бойне. Больше никто не кричал и не плакал. В измученной толпе слышались только сдавленные стоны боли.

Дальше ничего не помню. Лишь редкие вспышки воспоминаний возникали в темноте моей памяти, детской памяти. Знаю, что ехали долго, и

хотелось кушать. Знаю, что кто-то умер, потому что пахло до тошноты ужасно. Знаю...

А затем мы приехали в то самое место: ужасное, пробирающее до глубины души! Его название никогда не уйдёт из моей памяти. Оно навечно со мной: «Саласпилс».

Мама не хотела отдавать меня этим «чудовищам-фашистам». Своим охрипшим, сипящим голосом она умоляла их, прижимая меня к себе так крепко, как никогда в жизни, а я плакала, вцепившись в неё. «Чудовища» были глухи. Меня оторвали от родного тепла и бросили в сторону к остальным, уже одиноким детям. Больше я никогда не видела свою дорогую мамочку...

Помню, мне всё время было холодно. Хотелось домой. Кругом было много других ребяташек. Все мы были похожи в своих желаниях и не только в желаниях. Здесь, в этом жутком месте у нас не было своих имен, только номерки: уродливые жестяные жетончики с кривыми цифрами. Их нельзя было терять, иначе расстреляют. Свой номерок я сжимала руками так сильно-сильно, что казалось, его контуры отпечатались на моих ладошках.

В этом холодном, сыром, тёмном месте были и другие дети - «крохи». Так мы их называли. Они не задерживались здесь надолго. Совсем маленькие, некоторые ещё без зубов, не умеющие самостоятельно сидеть и стоять на ножках, они плакали больше всех. У «крох» не было жетончиков, но на их мягких младенческих пяточках были, словно чёрным по белому, выжжены клеймом цифры - их последние имена.

Мы все постоянно хотели есть. Нас кормили только один раз в день, и этого было так ничтожно мало... Я помню, что мой животик надулся, словно шарик, и не видно было моих тоненьких ног. Так сильно хотелось домой!

Однажды пришли люди в белых халатах. Среди грязного тёмного барака они выглядели, как ангелы с неба... Я надеюсь, им не забыть маленькую искру веры в спасение во впавших детских глазах. Они построили

нас и куда-то повели. В том месте, пугающем своей белизной, они забрали мою кровь. Много крови. В первый раз я выжила. И во второй. И в третий. В четвёртый раз «доктор» предложил мне конфетку. Я помню, среди бесконечных мучений она светила так ярко! Это чувство было таким незнакомым, словно из прошлой жизни, словно из детства, в котором ещё были мама, папа, наш дом, кукла Машка. И я: маленькая и счастливая. Потом... меня не стало.

Мне было пять лет. Никто не помнит моего имени. У меня нет своей могилки, на которую придут родные мне люди. Саласпилский песок стал моим последним приютом. Моим и ещё тысячам детей. Никто не знает точных чисел. Никому не было дела до искалеченных, только начинающихся жизнью... Память о нас сгорела вместе с обжигающим пожаром, заматающим следы жестокого зверства.

Но вы, читающие мою историю, пожалуйста, помолитесь за меня, как молилась моя мама, прожившая немногим дольше! Помолитесь и за тех, чей прах разнёс по земле тихий ветер! Помолитесь и за то, чтобы никогда больше ни одна человеческая душа не пострадала от лап жестокого нацизма! Смотри в чистое, мирное небо, помните, какой ценой оно было завоевано и никогда не забывайте!